

ПЕНЗЕНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

1-го января. № 1. 1892 года.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

Новый годъ въ древней Руси.

Наши предки-язычники приурочивали начало года къ первому весеннему мѣсяцу (марту), когда природа, послѣ зимняго усыпленія, пробуждается къ новой жизни, подъ вліяніемъ животворныхъ лучей весенняго солнца. Со введеніемъ христіанства явилось у насъ два лѣтосчисленія: церковный годъ начинался съ марта, гражданскій съ сентября, при чемъ эрою для того и другого лѣтосчисленія принималось сотвореніе міра. Но на соборѣ, бывшемъ въ Москвѣ въ 1347 году, состоялось постановленіе, подтвержденное впослѣдствіи Московскимъ же соборомъ 1492 года, начинать и церковный годъ съ 1-го сентября. Этотъ обычай держался до Петра Великаго.

Празднованіе новаго года у нашихъ предковъ отличалось необыкновенною торжественностію: это былъ день самаго близкаго общенія царя съ подданными, и къ новолѣтію собиралось въ Москву множество народа посмотреть на торжество и на царскія свѣтлыя очи.

Наканунѣ новаго года патріархъ самъ служилъ вечерню,

при которой народъ стоялъ со свѣчами. Послѣ службы москвичи приглашали къ себѣ гостей, съ которыми проводили время „до пѣтуховъ“. Этотъ вечеръ былъ, большею частію, семейный, патріархальный. Гости-родственники сходились къ главѣ семейства, къ старшему въ родѣ, и въ тишинѣ, чинно, скромно, благоговѣнно готовились къ срътенію новаго лѣта: въ божницахъ теплились лампы и ярко горѣли восковыя свѣчи. Ровно въ полночь, среди глубокой тишины, съ Кремля раздавался грохотъ вѣстовой пушки и тотчасъ, по первому удару съ колокольни Ивана Великаго, начинался праздничный благовѣстъ во всѣхъ Московскихъ храмахъ. Народъ спѣшилъ къ утрени— большинство въ церковь Симеона Столпника ¹⁾ или въ Кремль, чтобы встрѣтить новый годъ вмѣстѣ съ царемъ и патріархомъ въ Успенскомъ соборѣ.

Послѣ утрени совершалось торжественное молебствіе на площади между соборами Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ. Для этого молебствія среди площади, противъ Краснаго крыльца, устраивался обширный помостъ, огороженный точеными и расписанными рѣшетками, устланный коврами. На восточной сторонѣ между иконами полагался образъ преп. Симеона, на западной ставились два особыхъ мѣста: одно для государя ²⁾, другое для патріарха.

Въ десятомъ часу утра изъ Успенскаго собора, въ преднесеніи иконъ, крестовъ и хоругвей, выходилъ патріархъ,

¹⁾ Эта церковь построена Борисомъ Годуновымъ въ память вѣнчанія своего на царство въ день новаго года.

²⁾ При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ ставили для государя тронъ въ видѣ пятиглаваго храма, съ большой главой посрединѣ и четырьмя малыми по угламъ; эти главы, а также дверь и оконницы были сдѣланы изъ слюды. По верхамъ главъ красовались двухглавыя золоченыя орлы.

сопровождаемый духовенствомъ въ лучшихъ облаченіяхъ, и пройдя черезъ площадь, всѣ входили на приготовленный помостъ. Въ то же время изъ дворца открывалось царское шествіе, сопровождавшееся звономъ на Ивановской колокольнѣ во всѣ колокола съ „реутомъ“. При входѣ на помостъ, Государь прикладывался къ евангелію, къ иконамъ, къ св. кресту, принималъ благословеніе отъ патріарха и потомъ вступалъ на свое мѣсто. Патріархъ совершалъ молебствіе съ водоосвященіемъ и по окончаніи службы „здравствовалъ“ царя приблизительно такою рѣчью: „Здравствуй Государь, Богомъ вѣнчанный! Царь, Великій Князь и Самодержецъ всея Руси! Здравствуй на сей и многіе годы съ Государыней Царицей, со всѣмъ твоимъ домомъ!“ Присемъ патріархъ желалъ царю побѣды и одолѣнія на враговъ, возвышенія надъ всѣми иноземными народами, устроенія государства и вообще всякаго благоденствія. Царь благодарилъ патріарха и снова прикладывался къ евангелію и св. иконамъ. Затѣмъ подходили къ царю и патріарху сначала духовныя, потомъ свѣтскія особы и, поздравляя того и другого съ новымъ годомъ, царю кланялись „большимъ обычаемъ“ (т.е. почти до земли), а у патріарха принимали благословеніе. Послѣ привѣтствій церковнаго и гражданскаго синклита, царь принималъ восторженное поздравленіе отъ полковъ и народа, отвѣчая „міру“ поклономъ. Литургію царь слушалъ въ придворной Благовѣщенской церкви, а патріархъ служилъ въ Успенскомъ соборѣ. Кромѣ молитвы, благочестивые предки наши сопровождали первый день новолѣтія дѣлами христіанской любви и благотворенія. Царь, бояре и всѣ состоятельные люди одѣляли бѣдныхъ пищею, одеждою, деньгами, разсылали милостыню по странно-пріимнымъ домамъ, навѣщали заключенныхъ въ тюрьмы и проч. Эти дѣла христіанскаго милосердія,

которыми наши предки освящали наступленіе новаго года, имѣли глубокой смыслъ, служили выраженіемъ истинно-христіанскаго благочестія. Св. Церковь въ молитвахъ и пѣснопѣніяхъ на новый годъ испрашиваетъ у Господа всѣмъ и каждому благъ—духовныхъ и вещественныхъ, небесныхъ и земныхъ, вѣчныхъ и временныхъ. Но Богъ не отвращаетъ лица Своего только отъ того, кто самъ не отвращается отъ нищаго (Тов. 4, 8) и ни за что такъ не награждаетъ Своимъ человеколюбіемъ, какъ за человеколюбіе (сл. Григ. Богосл. о любви къ бѣдн.). Наши предки хорошо понимали и помнили этотъ путь къ снисканію милостей Божіихъ и въ день новаго года (какъ и въ другіе праздники) спѣшили къ бѣднымъ, больнымъ и къ другимъ несчастнымъ, чтобы, оказывая съ своей стороны—кому помощь, кому добрый совѣтъ, утѣшеніе, ободреніе, привлечь и на себя, на свои дома и семейства благословеніе Божіе.

Побужденіемъ къ послѣдовавшему на Московскихъ соборахъ (1347 и 1492 годовъ) перенесенію новолѣтія съ 1-го марта на 1-е сентября послужилъ примѣръ восточной Церкви, гдѣ первымъ вселенскимъ соборомъ постановлено было начинать новый годъ съ 1-го сентября *), въ память побѣды, которую въ 312 году, послѣ продолжительной борьбы, христіанская религія одержала надъ язычествомъ въ лицѣ Константина Великаго, сдѣлавшагося, по низложеніи Максентія, единодержавнымъ правителемъ. Желая увѣковѣчить память о „начаткѣ свободы христіанскія“, отцы собора припомнили, что по преданію 1-го же сентября

*) До того времени новый годъ въ древней Церкви начинался съ марта. Въ ветхозавѣтной Церкви церковный годъ начинался съ марта, гражданскій съ сентября.

(въ іудейскій „праздникъ трубъ“) было „Христово посредѣ соборища іудейскаго вшествіе и лѣта Господня пріятна отъ книги Исаиной возвѣщеніе“.

Самая жизнь и главное занятіе (земледѣліе) русскаго народа соотвѣтствовали начинанію новаго года съ 1-го сентября. Къ этому времени почти повсюду оканчивалась уборка хлѣба, собираніе плодовъ и вообще лѣтнія работы *); начинался новый кругооборотъ занятій, а потому представлялось весьма благовременнымъ принести благодареніе Господу за ниспосланныя Имъ милости въ прошломъ году и испросить Его благословенія на будущій.

Первый день сентября, какъ день новаго года, былъ важенъ для нашихъ предковъ не только въ церковномъ, но и въ другихъ отношеніяхъ. Это былъ день суда для такихъ лицъ, тяжёбныя дѣла которыхъ не могли быть удовлетворительно рассмотрѣны мѣстными учрежденіями, и потому переносились на судъ въ присутствіи царя. Приговоръ по такимъ дѣламъ начинался словами: „рѣшилъ Богъ и Государь“; обвиненному въ преступленіи говорилось: „пойманъ ты есть Богомъ и Государемъ“. Тотъ же день 1-го сентября считался срочнымъ для платежа оброковъ, податей и пошлинъ. Поселяне и торговцы начинали свои счета и расчеты также съ „Семенова дня“. Памятно 1-е сентября и по укрѣпленію крестьянъ въ крѣпостную зависимость Борисомъ Годуновымъ.

Императоръ Петръ Великій, предпринимая реформы, направленные къ сближенію Россіи съ западною Европою, рѣшился ввести въ нашемъ отечествѣ и такое же лѣточисленіе, какое въ то время принято было въ прочихъ

*) Отсюда чествуемый 1-го сентября Церковію преп. Симеонъ Столпникъ назывался Симеономъ „лѣтопроводцемъ“.

странахъ Европы, то-есть, считать годы отъ Рождества Христова и началомъ года полагать 1-е число мѣсяца генваря. Мы уже говорили, какъ праздновалось и чѣмъ сопровождалось введеніе этого новаго лѣтосчисленія (Пенз. Епарх. Вѣд. 1887 г. № 1-й).

Собесѣдованіе съ молоканами въ селѣ Ромодановѣ, Саранскаго уѣзда.

Во исполненіе резолюціи Его Преосвященства, положенной на журналѣ Пензенской духовной Консисторіи, въ началѣ іюня мѣсяца я совершилъ поѣздку въ саранскій уѣздъ для бесѣды съ молоканами въ селахъ этого уѣзда. Во время этой поѣздки я нашелъ, что центромъ молоканства въ саранскомъ уѣздѣ служитъ село Ромоданово, изъ котораго молоканство распространяется и въ другія села означеннаго уѣзда, благодаря дѣятельности молоканскаго наставника Ивана Макарова Кичаева. Въ силу этого на молоканъ села Ромоданова мною было обращено преимущественное вниманіе сравнительно съ молоканами живущими въ другихъ селахъ саранскаго уѣзда. Въ Ромодановѣ мною было произведено два собесѣдованія: одно частное— въ домѣ молоканина Василя Кичаева, а другое публичное— въ училищномъ домѣ. На первомъ собесѣдованіи главный молоканскій наставникъ села Ромоданова не присутствовалъ, такъ-какъ его въ то время не было въ Ромодановѣ, и потому собесѣдниками со стороны молоканъ были хозяева дома—Василій Кичаевъ и его младшій братъ. На второмъ же собесѣдованіи главное участіе въ разговорѣ со стороны молоканъ принималъ ихъ наставникъ Иванъ Макаровъ Кичаевъ, хотя иногда дѣлали свои замѣчанія и другіе молокане.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію содержанія означенныхъ бесѣдъ, представлю здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія о состояніи молоканства въ селѣ Ромодановѣ.

Подъ Церковію Ромодановскіе молокане разумѣютъ собраніе всѣхъ вѣрующихъ во Христа, основываясь въ данномъ случаѣ на словахъ Христа: „гдѣ двое или трое соберутся во имя Мое, тамъ Я посреди ихъ“. Это собраніе вѣрующихъ, на основаніи словъ апостола Павла: „той даль есть овы убо апостолы, овы же пророки, овы же благовѣстники, овы же пастыри и учителя“ (Ефес. IV, 11—13), — раздѣляется на два разряда: руководителей, которые составляютъ у нихъ такъ-называемое священство, и вѣрующихъ или простой народъ. Впрочемъ, и простые вѣрующіе не лишены права толковать священное Писаніе на собраніяхъ, могутъ даже говорить и проповѣди. Право же совершать требы принадлежитъ только священству. Какъ сектанты-раціоналисты, Ромодановскіе молокане утверждаютъ, что всякая обрядность въ церкви совершенно излишняя и потому недопустима. Въ силу этого они отвергають въ священствѣ рукоположеніе, какъ видимый знакъ сообщенія посвящаемому благодатныхъ даровъ. По мнѣнію Ромодановскихъ молоканъ, рукоположеніе состоитъ въ рукопожатіи или рукобитіи, подобномъ тому, которое бывають при торговыхъ сдѣлкахъ, и означаетъ собою окончательный актъ избранія. Совершается это дѣйствіе вѣрующими только для болѣе нагляднаго удостовѣренія въ избраніи извѣстнаго лица. Въ священствѣ Ромодановскіе молокане признають два чина—пресвитерскій и діаконскій. Діакона избираетъ все собраніе вѣрующихъ, а поставляетъ и утверждаетъ пресвитеръ; пресвитера же какъ избираетъ, такъ и утверждаетъ все собраніе. Различеніе епископской и пресвитерской степеней Ромодановскіе молокане отвер-

гаютъ, утверждая, что оба названія епископъ и пресвитеръ означаютъ одну и ту же степень. Отвергая необходимость воднаго крещенія, подъ крещеніемъ разумѣютъ ученіе; подъ таинствомъ святаго причащенія разумѣютъ страданіе за вѣру и вообще перенесеніе всякихъ обидъ и оскорбленій, считая при этомъ тайную вечерю ветхозавѣтной пасхой. Относительно таинства покаянія говорятъ, что каяться можно предъ всякимъ вѣрующимъ, хотя лучше дѣлать это предъ пресвитеромъ, такъ-какъ добрыя его наклонности и жизнь бываютъ болѣе удостовѣрены собраніемъ. Отвергая таинство елеосвященія, Ромодановскіе молокане обыкновенно говорятъ въ опроверженіе его, что лѣченіе тѣлесныхъ болѣзней лежитъ на обязанности докторовъ и больницъ, а не духовныхъ пастырей. Бракъ основывается на взаимномъ согласіи брачующихся и благословеніи родителей; совершается пресвитеромъ на открытомъ воздухѣ. Почитаніе иконъ считаютъ идолопоклонствомъ. Содержа вообще пункты ученія, свойственные всѣмъ молоканамъ, молокане села Ромоданова и другихъ селъ саранскаго уѣзда имѣютъ ту особенность, что считаютъ грѣхомъ употреблять въ пищу свиное мясо. Предубѣжденіе саранскихъ молоканъ противъ свиного мяса такъ велико, что на бесѣдѣ въ селѣ Трофимовщинѣ одинъ молоканинъ съ горячіюстію говорилъ: „если даже за несогласіе ѣсть свинину меня стануть рѣзать, и тогда я не стану ѣсть ее“,—хотя этотъ же самый молоканинъ говорилъ, что онъ не можетъ исполнѣ открыть своихъ мыслей и такимъ образомъ сдѣлаться истиннымъ исповѣдникомъ Христа, такъ-какъ, по его словамъ, у него четыреста десятинъ собственной земли, которой онъ будто бы можетъ лишиться и подвергнуться ссылкѣ, если исполнѣ обнаружитъ свои убѣжденія. Такимъ образомъ, молокане считаютъ исполненіе постановленія Моисеева закона о невкушеніи

свиного мяса гораздо выше заповѣди Спасителя объ исповѣданіи Его предъ людьми.

Священникомъ или пресвитеромъ у молоканъ села Ромоданова, а равно и другихъ селъ саранскаго уѣзда, служить Иванъ Макаровъ Кичаевъ. Раньше онъ имѣлъ собственную землю, а теперь совершенно разорился и существуетъ на счетъ своихъ послѣдователей, которыхъ поэтому старается всѣми способами удержатъ въ отдѣленіи отъ православной Церкви. Относительно себя онъ убѣжденъ, что, какъ озаренный Духомъ Святымъ, онъ ни въ чемъ и никогда не можетъ ошибаться; поэтому убѣдить его въ чемъ-либо рѣшительно нѣтъ никакой возможности. Онъ не стѣсняется никакими противорѣчіями, въ которыя онъ постоянно впадаетъ при толкованіи священнаго Писанія въ молоканскомъ духѣ и которыя у него доходятъ до нелѣпости. Образчикомъ такой беззастѣнчивости Ивана Кичаева можетъ служить слѣдующее. На бесѣдѣ съ нимъ въ доказательство той мысли, что апостолы крестили въ водѣ, мною былъ прочитанъ рассказъ книги Дѣяній Апостольскихъ о крещеніи евнуха царицы Еѳіопской *). По прочтеніи этого рассказа я обратился къ Кичаеву съ слѣдующимъ вопросомъ: колесница, на которой ѣхалъ каженикъ, какая была, по вашему мнѣнію, чувственная или духовная?

Кичаевъ отвѣтилъ, что это была духовная колесница.

— Но что же въ такомъ случаѣ разумѣется подъ этою колесницею?

— Ветхій Завѣтъ.

— Но въ рассказѣ говорится, что каженикъ ѣхалъ на колесницѣ и что, когда апостоль Филиппъ подошелъ къ этой колесницѣ, каженикъ попросилъ его взойти и сѣсть

*) Дѣян. VIII, 26—40.

съ нимъ на колесницу. Если, по вашему, эта колесница была не колесница, а Ветхій Завѣтъ, то какимъ же образомъ могъ ѣхать на ней каженикъ и какимъ образомъ могъ всходить и садиться на нее апостоль Филиппъ?

— Всѣ эти дѣйствія означаютъ чтеніе Ветхаго Завѣта: каженикъ читалъ Ветхій Завѣтъ, а когда подошелъ къ нему Филиппъ, онъ обратился къ нему за разъясненіемъ прочитаннаго. Поэтому, когда въ рассказѣ говорится, что каженикъ ѣхалъ на колесницѣ, это значитъ собственно, что онъ читалъ Ветхій Завѣтъ; а когда говорится, что каженикъ пригласилъ Филиппа взойти на колесницу и сѣсть на нее, то это значитъ, что онъ приглашаетъ его читать Ветхій Завѣтъ.

— Въ священномъ Писаніи Ветхій Завѣтъ нигдѣ не называется колесницею, а потому ваше толкованіе совершенно произвольно.

— По вашему произвольно, а по нашему нѣтъ.

— Но вѣдь это не отвѣтъ, а одно только упорство и обнаруженіе нежеланія разъяснить поставленный вопросъ.

— Какъ хотите, такъ и принимайте.

Послѣ такого рѣшительнаго заявленія со стороны Кичаева о нежеланіи его разсуждать, конечно, не оставалось никакой надежды убѣдить его въ нецѣпости его мнѣнія и потому я, разъяснивъ въ краткихъ выраженіяхъ собственно для слушателей несообразность высказаннаго Кичасвымъ толкованія, долженъ былъ перейти къ другимъ свидѣтельствамъ о необходимости воднаго крещенія, при разсмотрѣніи которыхъ Кичаевъ обнаруживалъ такое же упорство и произволь въ толкованіи священнаго Писанія.

Изъ всего этого вполнѣ ясно, что сознаться въ своихъ ошибкахъ Кичаевъ никогда не можетъ. Это упорство и беззастѣнчивость Кичаева придаютъ ему большой авторитетъ

въ глазахъ его невѣжественныхъ послѣдователей, которые, слушая его пространныя рѣчи, въ которыхъ они, конечно, ничего не понимаютъ, и видя, что онъ ни въ чемъ не соглашается съ своимъ собесѣдникомъ, обыкновенно говорятъ, что его не могутъ переспорить „даже семь архіереевъ“. Дѣйствительно, вполне естественно, что Кичаева не могутъ переспорить „даже семь архіереевъ“, потому что весь секретъ его стойкости во время споровъ заключается въ крайней беззащитности, которая его послѣдователями принимается за выраженіе его неизмѣримыхъ познаній и искусства толковать священное Писаніе. Въ дѣйствительности это искусство, конечно, можетъ быть доступно всякому невѣждѣ, который пожелаетъ эксплуатировать такую же невѣжественную толпу.

Діакономъ у Ромодановскихъ молоканъ состоитъ Григорій Оедоровъ Кошелевъ, который отличается такими же качествами, какъ и Кичаевъ, а въ знаніи священнаго Писанія стоитъ еще ниже, чѣмъ послѣдній.

Ромодановскіе молокане находятся въ сношеніяхъ съ молоканами Самарской губерніи, а также бываютъ у пашковцевъ въ селѣ Ветошкинѣ. Изъ сосѣднихъ селеній Ромодановскіе молокане поддерживаютъ сношенія съ молоканами Трофимовскими, Уришкинскими, Содомскими, Соколовскими и Константиновскими. Бывая во многихъ мѣстахъ, они всюду заводятъ знакомства, но не съ цѣлію поучиться, а съ цѣлію пропагандировать свое ученіе. Весной настоящаго года наставникъ Ромодановскихъ молоканъ, Иванъ Макаровъ Кичаевъ, собирался уѣхать въ Пришибъ, селеніе Самарской губерніи. Тамъ около года проживалъ его сынъ и, возвратившись оттуда, началъ проповѣдовать, что Пришибскіе молокане не могутъ стоворить съ его отцомъ, такъ что, если послѣдній явится туда, то его

изберуть тамъ въ руководители. Относясь съ такимъ высокоуміемъ къ своимъ единовѣрцамъ, Ромодановскіе молокане еще съ большею надменностію относятся къ православнымъ и стараются при всякой встрѣчѣ навязать имъ свое ученіе. Въ одно время крестьяне, выведенные изъ терѣнія пропагандою молоканъ, въ составѣ пяти обществъ составили приговоръ о выселеніи ихъ изъ села Ромоданова, но дѣло это еще не увѣнчалось успѣхомъ.

Для ослабленія молоканской пропаганды мѣстный священникъ села Ромоданова, о. Серафимъ Любимовъ, ведетъ съ молоканами частныя и публичныя собесѣдованія, въ которыхъ принимаетъ очень дѣятельное участіе священникъ о. Порфирій Заринъ. Вслѣдствіе этихъ бесѣдъ самохвалство и самонадѣянность молоканъ значительно уменьшились, такъ-какъ оказалось, что молокане не въ состояніи доказать справедливость своего ученія не только предъ семью архіереями, какъ они имѣли обычай выражаться раньше, но даже передъ однимъ или двумя священниками. Одно семейство вслѣдствіе этихъ бесѣдъ присоединилось изъ молоканства къ православной Церкви. Главная же польза этихъ бесѣдъ заключается въ томъ, что въ нихъ находятъ для себя опору православные, которые на бесѣдахъ усваиваютъ нѣкоторыя свѣдѣнія, необходимыя для опроверженія сектантскихъ заблужденій, и такимъ образомъ сами иногда вступаютъ въ споры съ сектантами, доказывая послѣднимъ ложность ихъ ученія. Въ случаѣ же неумѣнья опровергнуть какое-либо сектантское лжеученіе, православные не склопятся все-таки на сторону лжеучителей, а отвѣчаютъ имъ обыкновенно, чтобы они поговорили съ священникомъ. Кромѣ того, мѣстный священникъ даетъ православнымъ для чтенія противусектантскія сочиненія, чтеніе которыхъ еще болѣе укрѣпляетъ въ умахъ православныхъ убѣжденіе въ истинѣ

ученія православной Церкви и расширяетъ ихъ свѣдѣнія, необходимыя для обличенія сектантовъ.

Первое собесѣдованіе въ селѣ Ромодановѣ я произвелъ 2-го іюня, въ домѣ молоканина Василия Кичаева. Въ началѣ бесѣды Василій Кичаевъ высказалъ свое сомнѣніе относительно достовѣрности свѣдѣній, почерпаемыхъ изъ свѣтскихъ наукъ. Онъ говорилъ, что положенія свѣтскихъ наукъ противорѣчатъ не только свидѣтельствамъ священнаго Писанія, но и свидѣтельству внѣшнихъ чувствъ человека. Для поясненія своихъ мыслей Кичаевъ указалъ на ученіе о движеніи планетъ вообще и въ частности на ученіе о движеніи земли вокругъ солнца, говоря, что это ученіе представляется для него слишкомъ страннымъ, такъ-какъ вполне очевидно противорѣчитъ тому, что мы наблюдаемъ своими внѣшними чувствами, которыя свидѣлствуютъ именно, что движется не земля, а солнце. Какимъ же образомъ, говорилъ Кичаевъ, можно вѣрить ученымъ, которые говорятъ, будто-бы солнце стоитъ на мѣстѣ, а земля движется вокругъ солнца, и какимъ образомъ сами ученые могли додуматься до этой мысли о движеніи земли вокругъ солнца? Для разъясненія этого недоумѣнія, высказаннаго Василиемъ Кичаевымъ, ему было указано на то обстоятельство, что внѣшнія чувства очень часто обманываютъ насъ и что поэтому въ дѣйствительности иногда бываетъ не то, что мы видимъ своими глазами или слышимъ своими ушами. Такъ, напр., когда мы быстро ѣдемъ на лошадахъ или по желѣзной дорогѣ, то намъ кажется, будто-бы мы остаемся на одномъ и томъ же мѣстѣ, а предметы, находящіеся по сторонамъ пути, движутся навстрѣчу намъ, т.-е. въ сторону, противоположную той, въ которую мы ѣдемъ. Василій Кичаевъ замѣтилъ, что, хотя по желѣзной дорогѣ ему и не приходилось ѣздить, но во время ѣзды

на лошадяхъ онъ, дѣйствительно, замѣчалъ указанное мною явленіе, наблюдаемое нашими глазами и противорѣчащее дѣйствительности. Въ силу этого, продолжалъ Кичаевъ, можно-бы согласиться, что земля движется вокругъ солнца, но этому противорѣчитъ свидѣтельство срященнаго Писанія, въ которомъ говорится, что Іисусъ Навинъ обратился къ солнцу съ словами: „стой солнце“! Я замѣтилъ Кичаеву, что приведенныя имъ слова Іисуса Навина не противорѣчаютъ ученію о движеніи земли вокругъ солнца, такъ-какъ Іисусъ Навинъ, обращаясь къ солнцу съ приведенными выше словами, выражался не научнымъ языкомъ, а обыкновеннымъ разговорнымъ, примѣняясь къ понятіямъ простого народа, который въ противномъ случаѣ и не понималъ-бы его.

Далѣе Кичаевъ выразилъ сомнѣніе относительно достовѣрности ученія о шарообразномъ видѣ земли. Для разъясненія этого недоумѣнія было указано на то, что во время кругосвѣтныхъ путешествій путешественники, направляясь постоянно въ одну и ту же сторону, возвращались въ то мѣсто, изъ котораго они первоначально отправлялись, съ противоположной стороны, чего не могло бы быть, если бы земля имѣла видъ горизонтальной площади. Достовѣрность этого явленія, прибавилъ я, была подтверждена многими опытами различныхъ лицъ, которымъ не было никакой надобности лгать.

Для доказательства возможности изученія свѣтилъ небесныхъ Кичаеву было указано на значеніе въ наукѣ увеличительныхъ стеколъ, о свойствѣ которыхъ можно судить по свойству очковъ, съ значеніемъ которыхъ многіе знакомы по личному опыту.—Послѣ этого разговора Кичаевъ съ большимъ довѣріемъ сталъ относиться къ научнымъ свѣдѣніямъ и потому согласился съ мыслию о

необходимости и полезности научнаго изученія священнаго Писанія.—Въ виду этого я счелъ благовременнымъ перевести разговоръ на вопросы о предметахъ вѣры и для этого предложилъ Кичаеву вопросъ объ основаніи и источникѣ христіанской вѣры.

Василій Кичаевъ отвѣтилъ:—мы вѣримъ одной Библии; въ ней все наше упованіе, и ея одной держимся.

Я сказалъ:—дѣло доброе, за это никто не укоритъ васъ. Но и само священное Писаніе не исключаетъ нисколько священнаго Преданія, а, напротивъ, предполагаетъ его. Прочитай въ первомъ посланіи апостола Павла къ Коринѳянамъ 2-й стихъ II-й главы.

Василій Кичаевъ прочиталъ:—„Хвалю васъ, братіе, что вы все мое помните, и преподанное мною держите такъ, какъ я преподалъ вамъ“.

Я:—Что вы замѣчаете въ прочитанныхъ вами словахъ?

Василій Кичаевъ: Замѣчаю то, что хотя намекается на преданіе, но преданіе это заключено въ Писаніи.

Я:—Значить, вы не хотите, или не стараетесь проникнуть въ смыслъ словъ апостола.

Василій Кичаевъ:—Нечего тутъ и проникать.

Я:—Для болѣе нагляднаго разъясненія словъ апостола прочитай 7-й стихъ этой же главы.

Василій Кичаевъ прочиталъ:—„Итакъ мужчина не долженъ покрывать головы“.

Я:—Есть-ли какая-либо связь этихъ словъ апостола съ Преданіемъ?

В. Кичаевъ:—Не вижу никакой.

Я:—Прочитай еще 13-й стихъ этой главы.

В. Кичаевъ прочиталъ:—„Судите сами, прилично ли женщинѣ молиться съ открытою головою“.

Я:— Не можете ли усмотрѣть что либо изъ этихъ словъ о связи ихъ съ Преданіемъ?

В. Кичаевъ:—Ничего не усматриваю.

Я:—Нѣтъ, изъ этихъ изреченій само собою усматривается не только то, что апостоль съ похвалою напоминаетъ Преданія, но и дополняетъ ихъ. Апостоль говоритъ, что мужчина не долженъ покрывать головы, а женщинѣ неприлично быть съ открытою головою. Когда же? Во время молитвы. Напоминаніе о Преданіи и дополненіе его само собою тутъ показываетъ, что этому предшествовало преданіе о церковной молитвѣ.

В. Кичаевъ:—Какъ же такъ вышло у васъ?

Я:—Апостоль словесно училъ Коринѳяны о томъ, въ какомъ положеніи присутствующіе должны находиться во время общественной, церковной молитвы. Эта церковная общественная молитва совершалась неопустительно въ обычное время по словесному наученію апостола. Но вотъ во время молитвъ начали открываться нѣкоторые недостатки между молящимися: мужчины стали молиться Богу съ покрытыми головами, а женщины во время молитвы не покрывали головъ своихъ. Похваливъ Коринѳскихъ христіанъ за соблюденіе преданій о церковной молитвѣ, апостоль въ то же время дополняетъ эти преданія тѣмъ, что мужчины должны стоять во время молитвы съ открытою головою, а женщины съ покрытою. Поняли-ли вы?

В. Кичаевъ:—Какъ будто понятно стало.

Я:—Прочтите 22-й стихъ этой же главы до второй половины.

В. Кичаевъ прочиталъ:—„Развѣ у васъ нѣтъ домовъ на то, чтобы ѣсть и пить? Или пренебрегаете Церковь Божию“?

Я:—Не замѣчаете-ли и здѣсь какого либо преданія.

В. Кичаевъ:—Не замѣчаю.

Я:—А по моему оно очень замѣтно.

В. Кичаевъ:—Какое же?

Я:—Этими словами апостоль, какъ видно, обличаетъ случайный беспорядокъ и неблагочиніе въ церкви Коринѣской. Но это же обличеніе показываетъ, что этому предшествовало преданіе о святости церкви, по каковому преданію церковь совсѣмъ не то, что простой домъ, и потому требуетъ отъ молящихся благоговѣнія.

В. Кичаевъ:—Какъ вы умѣете дѣлать выводы-то!

Я:—Прочитайте 23-й стихъ той-же главы.

Кичаевъ прочиталъ:—„Азъ пріяхъ отъ Господа, еже и предахъ вамъ“.

Я:—Не замѣчаете-ли и здѣсь указанія на существованіе преданія въ Церкви?

Кичаевъ:—Замѣтно въ словахъ: предахъ вамъ.

Я:—Здѣсь можно замѣчать больше этого. Какъ Господь безъ письма передалъ апостолу Павлу то, что совершенно Имъ на тайной вечери съ апостолами предъ Своею крестною смертію, гдѣ подъ видомъ хлѣба и вина Онъ давалъ вкушать тѣло и кровь Свою; такъ и апостоль Павелъ вначалѣ передалъ церкви Коринѣской безъ письма это установленіе, переданное ему Господомъ, т.-е. совершеніе таинства евхаристіи.

Кичаевъ:—Да у васъ какъ-то все направляется въ пользу своей Церкви.

Я:—Это не у меня, а у апостола Павла. Теперь прочитайте еще главнѣйшее основаніе ученія о священномъ Преданіи православной Церкви, именно: 15-й стихъ 2-й главы второго посланія къ Солунянамъ.

Кичаевъ прочиталъ:—„Тѣмже убо, братіе, стойте и держите преданія, имъ же научистесь или словомъ, или посланіемъ нашимъ“.

Я:—Не очевидна-ли здѣсь заповѣдь апостола о преда-

ніяхъ и непрѣмной обязанности для христіанъ соблюдать эти преданія.

Кичаевъ:—Пусть будетъ такъ. только для насъ нѣтъ важности въ этой заповѣди.

Я:—Апостоль, какъ сами видите, называетъ преданіемъ все то, чему отъ него христіане научились относительно вѣры, богослуженія, церковнаго благочинія и правилъ жизни. Поэтому отрицать важность этой заповѣди, значитъ идти вопреки ученію апостола.

Кичаевъ:—Апостоль здѣсь же даетъ преимущество писанному преданію предъ словеснымъ.

Я:—Нисколько. Апостоль только дѣлаетъ различіе между двумя видами преданія: посредствомъ посланія, или писанное преданіе, и преданіе посредствомъ словъ, или неписанное преданіе. Преданіе писанное означается и у насъ, и у всѣхъ христіанскихъ народовъ наименованіемъ священнаго Писанія; наименованіе же священнаго Преданія обыкновенно употребляется для означенія того, чему не посредствомъ священнаго Писанія, но посредствомъ слова и примѣра мы научились отъ святыхъ апостоловъ.

Кичаевъ:—Вотъ первое, т.-е. священное Писаніе, мы принимаемъ и для насъ довольно этого.

Я:—Какъ это вы не хотите прицѣпить во вниманіе того, что апостоль нераздѣльно и равно заповѣдуетъ держаться преданій, полученныхъ и посредствомъ слова и посредствомъ писанія. То и другое у него стоитъ рядомъ, вниманія и твердости въ соблюденіи онъ требуетъ какъ по отношенію къ священному Писанію, такъ по отношенію и къ священному Преданію. Нужно ли болѣе этого доказательство для удостовѣренія важности преданій апостольскихъ и для побужденія къ вѣрному соблюденію ихъ?

Кичаевъ:—Мы хотимъ все утверждать на неизбѣломъ основаніи слова Божія, т.-е. священнаго Писанія.

Я: — Все это хорошо, все это такъ и должно быть. Всякое преданіе должно испытывать посредствомъ священнаго Писанія, чтобы отличить преданіе человѣческое отъ преданія апостольскаго. А между тѣмъ откуда, напр., извѣстно вамъ, какія книги суть священныя, и почему та или другая изъ этихъ книгъ точно принадлежитъ къ числу священныхъ?

Кичаевъ: — Мы и такъ вѣримъ.

Я: — И мы вѣримъ и однако съ увѣренностію говоримъ, что само священное Писаніе относительно своего происхожденія и достоинства пользуется пособіемъ священнаго Преданія. Къ чему спрошу васъ: какимъ евангелистомъ начинается Новый Завѣтъ?

Кичаевъ: — Новый Завѣтъ начинается чрезъ евангелиста Матѳея.

Я: — Когда священное Писаніе Нового Завѣта начато чрезъ евангелиста Матѳея?

Кичаевъ: — Намъ неизвѣстно; да и не нужно знать.

Я: — Какъ, что приходится слышать такой отвѣтъ? Но я скажу для полноты дѣла: чрезъ восемь лѣтъ по вознесеніи Господнемъ на небо. А тѣмъ же до того времени было евангеліе — основаніе христіанскаго вѣроученія, уставъ богослуженія, законы управленія церковнаго?

Кичаевъ: — Между вѣрующими.

Я: — Иначе можно сказать: въ преданіи. Да и само священное Писаніе Нового Завѣта, по свидѣтельству одного изъ священныхъ писателей, именно евангелиста Луки, есть только продолженіе Преданія. Какъ уже многіе начали описывать происшествія, извѣстныя между нами, какъ то предки намъ первоначальные самовидцы и служители Слова: разсудилось и мнѣ, по точномъ изслѣдованіи всего сначала, по порядку описать тебѣ, досто-

почтенный Теофилъ, чтобы удостовѣрить тебя въ томъ, чему ты былъ поучаемъ“ (Лук. I, 1—3). Отрицать послѣ этого священное Преданіе, какъ дѣлаютъ именующіе себя духовными христіанами, значить явно противиться заповѣди апостоловъ, значить не желать заслужить апостольской похвалы за принятіе апостольскихъ преданій. Прочитайте во второмъ посланіи къ Тимоѳею 2-й стихъ второй главы.

Кичаевъ прочиталъ:—„Яже слышалъ еси отъ мене многими свидѣтели, сія предаждь вѣрнымъ чело-вѣкомъ, иже довольни будутъ и иныхъ научити“ (2 Тим. II, 2).

Я:—Апостолъ Павелъ повелѣваетъ здѣсь Тимоѳею передавать другимъ людямъ не то, что онъ читалъ въ посланіяхъ апостола, а то, что онъ устно слышалъ отъ апостола, и при томъ велитъ передавать не для того, чтобы только сами знали преданное, но чтобы и другихъ научали. Такимъ образомъ, сказанное апостоломъ должно было сохраниться на вѣчныя времена. И дѣйствительно, устное преданіе апостоловъ, будучи записано ихъ учениками и переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, неизмѣнно сохранилось въ православной Церкви до настоящаго времени.

Послѣ этого я привелъ свидѣтельства священнаго Писанія о необходимости церковной іерархіи и таинствъ, какъ установленій божественныхъ, учрежденныхъ для спасенія людей.

Молокане, выслушавъ мои слова, сказали, что они находятъ ихъ правильными, но въ то же время не могутъ окончательно повѣрить мнѣ по причинѣ отсутствія своего наставника, Ивана Макарова Кичаева. Когда пріѣдетъ Иванъ Макарычъ, говорили молokane, то онъ, можетъ быть, докажетъ, что прочитанныя вами мѣста священнаго Писанія нужно понимать совсѣмъ не такъ, какъ вы ихъ толкуете.

Въ виду этого публичная бесѣда съ молоканами села Ромоданова была отложена до пріѣзда молоканскаго наставника Ивана Кичаева, а на другой день послѣ изложенной здѣсь частной бесѣды я отправился въ село Трофимовщину, гдѣ и произвелъ публичную бесѣду, описаніе которой будетъ представлено въ слѣдующей статьѣ.

Епархіальный миссіонеръ Александръ Орловъ.

Изъ разсказовъ духовнаго ветерана ¹⁾).

IV.

„Пока я числился ученикомъ, родителю моему приходилось отложить попеченіе насчетъ опредѣленія меня къ должности; но когда меня исключили (а въ то время мнѣ доходилъ семнадцатый годъ), мой батюшка сталъ частенько поговаривать: „пора тебѣ, Семка, толкнуться въ двери милосердія владыки да опредѣлиться къ мѣсту; я въ твою пору былъ ужъ понамаремъ“.

„Владыкой въ нашей епархіи въ то время былъ Ириней ²⁾).

¹⁾ Продолженіе. См. № 24.

²⁾ Преосвященный Ириней (въ мірѣ Иванъ Гавриловичъ Нестеровичъ) управлялъ Пензенской епархіей съ января 1826 г. по 26 іюля 1830 г., и изъ Пензы перемѣщенъ былъ въ Иркутскую епархію, съ возведеніемъ въ архіепископа. Какъ въ Пензѣ, такъ и въ Иркутскѣ Ириней боролся противъ вмѣшательства гражданской администраціи въ церковныя дѣла, и заявилъ себя горячимъ защитникомъ церковной независимости. Борьба съ гражданскими властями окончилась не въ пользу Ириней: 28-го іюля 1831 года преосвященный уволенъ былъ отъ управленія Иркутской епархіей и сосланъ въ Спасо-Прилуцкій монастырь, Вологодской епархіи. Впослѣдствіи Ириней перемѣщенъ былъ въ Толгскій монастырь, Ярославской епархіи, гдѣ и скончался 18 мая 1864 года, на 81-мъ году отъ рожденія.

Разъ пять приходилось мнѣ видать этого владыку. Онъ былъ молодой ¹⁾ и такой видный собою ²⁾; а характеръ имѣлъ горячій, вспыльчивый. Бывало, разгнѣвается онъ на что-нибудь, надвинетъ свой клобукъ на лобъ до самыхъ глазъ ³⁾ и сдѣлается такой суровый, что хоть на кого трепеть наведетъ.—Памятно мнѣ, какъ Ириней былъ у насъ въ Овражкахъ и какъ круто обошелся съ о. Сергіемъ. Осмотрѣвши церковь, Ириней спросилъ о. Сергія: „читаешь-ли и объясняешь-ли ты прихожанамъ молитвы, символъ вѣры и заповѣди (при владыкѣ Ириней заведено было, чтобы священникъ, по окончаніи обѣдни, для наученія прихожанъ, вычитывалъ молитвы, символъ вѣры и десять заповѣдей)?—“ „Читаю и объясняю, преосвященнѣйшій владыко!“ сказалъ о. Сергій. Ириней и заставилъ его читать при себѣ. Видно, смутился священникъ предъ лицомъ владыки-то и сталъ читать тихо. „Что ты бормочешь про себя? Читай громче и внятнѣй!“ прикрикнулъ владыка на о. Сергія. Послѣ того нашъ о. Сергій и совсѣмъ опѣшилъ, ужъ и на самыхъ извѣстныхъ молитвахъ сталъ сбиваться. И разгнѣвался-же тогда владыка! „Скинъ, непотребный, ризы! Ты недостойнъ ихъ!“ сказалъ Ириней. Разоблачился о. Сергій и стоитъ да трясется, какъ оспновый листъ.

¹⁾ Ириней назначенъ былъ на катедру Пензенскую 42 лѣтъ.

²⁾ Портретъ Ириней имѣется въ пензенскомъ архіерейскомъ домѣ.

³⁾ Эта черта въ Ириней подмѣчена была еще въ то время, когда онъ былъ ректоромъ Кишиневской семинаріи и настоятелемъ Курковскаго Рождественскаго монастыря. По словамъ вдовы учителя Кишиневской семинаріи Дыдицкаго, Пелагеи Васильевны Дыдицкой, какъ, бывало, Ириней разсердится, „это сейчасъ камилавку сдвинетъ на лобъ, ажъ до носа“ („Историческій Вѣстникъ“ за май 1883 года).

Примѣтилъ, видно, владыка, что священникъ въ страхѣ обрѣтается, и сталъ помягче (у этого владыки гнѣвъ-то скоро проходилъ: бывало, Ириной разбранить кого-нибудь, а потомъ, немного погода, и смягчится, и сдѣлается по-обходительнѣе). Отчего-же ты не могъ по-надлежащему прочитать молитвъ? спросилъ владыка о. Сергія ужъ тихимъ голосомъ. — „Отъ трепета, преосвященнѣйшій владыко!“ отвѣтилъ священникъ. Повѣрилъ владыка Ириной о. Сергію и велѣлъ опять облачиться. Не одному священнику на этотъ разъ досталось отъ владыки, а побранилъ онъ и прихожанъ. Спросилъ преосвященный Ириной прихожанъ, учить-ли ихъ священникъ, а тѣ и дали такой отвѣтъ: „учить родимый, да мало мы понимаемъ: народъ-то мы больно темный“. — „Скоты что-ли“, сказалъ владыка, „вы несмысленные?... Вѣдь, и раскольники — народъ темный, однакожъ твердо знаютъ они и молитвы, и символъ вѣры, и заповѣди, и слово Божіе разумѣютъ“ *). Предъ выходомъ изъ храма владыка отдалъ приказъ прибить на церковной наперти листъ, въ коемъ прописано было, сколько за разныя требы брать съ прихожанъ. И безъ того прихожане щедрости къ духовенству не проявляли, а владыка Ириной ужъ и совсѣмъ назначилъ за требоисправленіе скудное воздаіііе: за крещеніе младенца, помнится мнѣ, полагалось брать 3 коп., за погребеніе взрослого — 10 коп., столько-же, кажись, полагалось и за бракосочетаніе *).

*) Распоряженіе преосвященнаго Ирины касательно чтенія въ церкви, по окончаніи богослуженія, молитвъ, символа вѣры и заповѣдей тѣмъ и вызвано было, что раскольники знали все это, а православные въ данномъ случаѣ проявляли полное невѣжество.

*) Неоднократно дѣлались попытки установить такую за требоисправленіе. Такъ, напр., въ Духовномъ Регламентѣ положена была такса за исправленіе требъ. Въ 1765 году такса была

Но преосвященному Иринею не удалось установить одинаковой платы за требоисправление: бѣдные прихожане не давали духовенству и того, что назначалъ владыка; за то состоятельные прихожане платили больше, чѣмъ положено владыкой... Для о. Сергія не прошло даромъ архипастырское посѣщеніе Овражекъ: натерпѣвшись страха отъ владыки, старикъ-священникъ прохворалъ цѣлый мѣсяцъ. По выздоровленіи о. Сергій частенько вспоминалъ про Иринея и говаривалъ: „однако-же суровъ нашъ архипастырь“!—При этомъ-то „суровомъ архипастырѣ“ и пришлось мнѣ опредѣляться къ должности“.

„Не вдругъ попалъ я на должность. Пять слезныхъ прошеній подавалъ я владыкѣ объ опредѣленіи меня въ церковники, но вотще: ни на одномъ прошеніи не было милостивой резолюціи. По сему случаю родитель мой больно сокрушался и говорилъ: „Семкѣ нашему не дается, словно кладъ заколдованный, церковническая должность“. Одинъ разъ батюшка даже въ такое отчаяніе пришелъ, что сказалъ: „видно, ты, Семка, до скончанія живота не дожденъся причетническаго мѣста. Чѣмъ вотще ожидать мѣста-то, ходилъ бы ты къ Захарычу-Кривошейкѣ (это былъ барскій столяръ, а Кривошейкой онъ прозванъ былъ за то, что у него шея съ одной стороны была короче и

установлена правительствующимъ Сенатомъ. По сенатскому указу, отъ 18 апрѣля 1765 г., положено было брать за молитву родильницы 2 коп., за крещеніе—3 коп., за вѣнчаніе—10 к., за погребеніе взрослыхъ—10 коп., а младенцевъ—3 коп. За исповѣдь и причащеніе платы не полаталось; „а за молебны и поминовеніе родителей“, гласилъ сенатскій указъ, „давать каждому по соизволенію и по возможности“. Вѣроятно, преосвященный Иринея, при назначеніи платы за требы, держался вышеприведенной сенатской таксы.

голова была на бокъ) да учился у него столярному ремеслу. Захарычъ — пріятель мнѣ и учить тебя будетъ даромъ, а ремесло-то это, хорошее и прибыльное: гдѣ гробикъ сколотишь какому-нибудь новопреставленному рабу Божію, гдѣ укладочку смастеришь—все тебѣ мзда нѣкая будетъ“. Съ годикъ поучился я у Захарыча и прослылъ по селу за настоящаго мастера. Да и то сказать: какое мастерство требовалось для крестьянскаго обихода? Токмо почитай и приходилось работать на „новопреставленныхъ рабовъ Божіихъ“. Не велику „мзду“ получалъ я отъ крестьянъ за мои работы, да для нашей семьи каждый грошъ былъ дорогъ, было „всякое даваніе благо“.

„Хоть и отчаявался батюшка насчетъ моего опредѣленія къ церковнической должности, однако напрасно: и мнѣ выпалъ случай къ опредѣленію на мѣсто. Случай этотъ былъ такой. Въ селѣ Рѣшетиловкѣ, волею Божіею, скоропостижно скончался понамарь Каллистратъ Ѳедоровъ. Послѣ него остались жена да двѣ взрослые дочери безъ всякихъ средствъ къ пропитанію. Вдовая понамарица, по преданіи ея мужа землѣ, ни мало не медля, явилась къ владыкѣ съ слезнымъ прошеніемъ. Вдова просила, чтобы владыка зачислилъ мужнино мѣсто за ея дочерью и для пропитанія осиротѣвшей семьи даровалъ ей, вдовой понамарицѣ, зятя. Владыка внялъ прошенію вдовы и положилъ на немъ такую милостивую резолюцію: „зачислить, по прошенію вдовицы, мѣсто за ея дочерью, но не болѣе, какъ на трехмѣсячный срокъ“. Послѣ того понамарица все стараніе свое прилагала, чтобы въ трехмѣсячный срокъ подыскать жениха для дочери. Дошелъ до вдовы слухъ, что у понамаря села Овражекъ есть сынъ въ жениховскомъ возрастѣ, и прибыла въ домъ моего родителя (Рѣшетиловка-то всего въ тридцати верстахъ отстоятъ отъ Овражекъ) поговорить, не пожелаю-ли я

содѣлаться мужемъ которой-нибудь изъ дочерей понамарицы и кормильцемъ семьи скончавшагося рѣшетилловскаго пона-
маря. Въ приданое за дочерью вдова отдавала избу. „Не
новая она, а жить еще можно“, говорила Марья Сергѣвна
(такъ звали вдовую понамарицу) про эту избу. Хотя не-
выгодно было мнѣ брать на свое попеченіе цѣлую семью,
но и безъ должности-то пребывать тоже не приходилось.
Вотъ родители мои и рѣшили, что не надо упускать
сего случая къ опредѣленію на мѣсто,—тѣмъ паче, что
приходъ въ Рѣшетилловкѣ былъ на хорошемъ счету. Черезъ
два дня послѣ переговоровъ съ вдовой родители повезли
меня въ Рѣшетилловку на смотрины. Изъ двухъ дочерей
понамарицы больше приглянулась мнѣ младшая—Анна
Каллистратовна, да и батюшкѣ съ матушкой она больше
пришлась по нраву. Но избой, которую вдова отдавала
въ приданое за дочерью, и хозяйствомъ вдовы батюшка
остался недоволенъ. „Анна“, сказалъ родитель, когда мы
ѣхали изъ Рѣшетилловки домой,—„дѣвица доброзрачная, да
избенка-то, что даютъ за ней, скудненька: не въ примѣръ
плоше моей. А на дворѣ-то (батюшка, бывши въ Рѣшети-
ловкѣ, успѣлъ оглядѣть и дворъ вдовой понамарицы) я не
токмо какой скотинки, а и курицы не обрѣлъ“. Не взирая
на это, рѣшено было женить меня на Аннѣ Каллистра-
товнѣ. Въ скоромъ времени я, съ благословенія родитель-
скаго, на двадцатомъ году своего житія, и вступилъ съ
Анной Каллистратовной въ законный бракъ; а черезъ мѣ-
сяцъ послѣ своего бракосочетанія получилъ изъ Консисторіи
указъ объ опредѣленіи меня на понамарское мѣсто въ село
Рѣшетилловку, на второй штатъ (въ Рѣшетилловкѣ-то былъ
двухштатный приходъ), „съ обязательствомъ (такъ прописано
было въ консисторскомъ указѣ) быть благодѣтелемъ семей-
ству умершаго понамаря Каллистрата Ѳедорова и пропи-
тывать оное семейство“.

„Хоть женился я скороспѣшно, по случаю и не знаячи неvěсты (и разговору-то почитай до самой женитьбы я съ неvěстой не имѣлъ, ибо въ тогдашнее время разговаривать неvěстѣ съ женихомъ не полагалось); а все-таки, по милости Божіей, я обрѣлъ въ своей Аннѣ Каллистратовнѣ добрую подругу жизни: она—покойница (теперь она—сподоби, Господи, ея царства небснаго!—ужь тридцатый годъ покоится въ сырой землѣ) своей добротой походила на мою родительницу, при семъ она была хозяйственная, работающая, мужу покорливая. Хорошо было въ моей супружницѣ еще то, что она, при бѣдности да нуждѣ (а бѣдности и нужды-то мы видали вдоволь), не падала духомъ. Я, бывало, закручинюсь, въ уныніе впаду; а она все твердитъ: „не тужи, Семушка! Богъ дастъ, поправимся и мы съ тобой“. Бывало, услышишь такія-то слова и подумашь: „баба и то не падаетъ духомъ, а мнѣ и подавно не надо унывать“. Вскорѣ послѣ женитьбы раздумался я насчетъ своего житья-бытья и говорю: „тяжеленько, Аннушка, намъ спервоначала-то будетъ: и избенку надо строить, и хозяйствомъ обзаводиться, и семью пропитывать“. „Не кручинься“, отвѣтствуетъ моя Анна Каллистратовна: „Богъ дастъ, все справимъ; будемъ работать побольше—и дѣло у насъ на поправку пойдетъ“. „Насчетъ работы-то, говорю, я не выдамъ: у меня ни соха, ни борона изъ рукъ не вывернутся. Живучи при родителѣ, я работѣ-то научился“.—„И я не люблю, сложа руки-то, сидѣть. Вотъ, Богъ дастъ, мы и справимъ все; только бы еще“... И остановилась моя супружница. „Что-же, спрашиваю, не договариваешь?“—„Еще не подходилъ бы ты у меня на тятеньку-покойника и не пилъ бы водки“. Обидно это стало мнѣ. „У меня и въ роду-то, говорю, нѣтъ пьяницъ: родитель потребляетъ кой-когда въ приходѣ водку, да по малости; а матушка и совсѣмъ

хмѣльнаго въ ротъ не беретъ“. — „Ты не обижайся на меня. Я сказала такъ, вспоминая о своемъ тятенькѣ. Онъ, поколь не пилъ, былъ работающій, хозяйственный; мы были сыты и жили не хуже другихъ церковниковъ; водилась у насъ и скотинка. А какъ сталъ тятенька запивать, то все и пошло прахомъ и скотинка у насъ перевелась, и кормиться намъ нечѣмъ стало; тятенька, говорятъ, и смерть-то себѣ отъ вина получилъ. У насъ, вѣдь, церковники любятъ выпить; пожалуй, и тебя смущать на это стануть. Вотъ я и боюсь... А ты на меня, Семушка (на первыхъ-то порахъ жена все Семушкой меня называла), не обижайся!“ — „Полагайся, говорю, на меня: не стану пить“. — „Коль не будешь пить, мы и заведемся хозяйствомъ, и все у насъ съ тобой будетъ“. Слыша такія рѣчи отъ жены, я и самъ пустился въ мечтанія: „прикопимъ, говорю, деньженокъ, поставимъ себѣ новую, свѣтлую, просторную избу и будемъ съ тобой, Аннушка, поживать; заведемъ и скотину всякую, и птицу“. — „Вотъ рада-то я буду! Ужъ больно я люблю хозяйство-то. Я съ недѣлю плакала, когда тятенька коровку на базаръ отвелъ“... Но когда я оглядѣлся въ своемъ приходѣ и увидалъ житье-бытье рѣшетилловскихъ церковниковъ, мнѣ не токмо не захотѣлось строиться, а нежелательно стало и жить-то въ Рѣшетилловкѣ“.

„Въ Рѣшетилловкѣ съ деревнями въ то время числилось больше двухъ тысячъ душъ. По приходу былъ и причтъ: было два священника, діаконъ, два дьячка и два понамаря. Окромя этого, въ Рѣшетилловкѣ жительство имѣли двѣ вдовыхъ понамарицы (одна изъ нихъ была моя теща) и вдовая дьячиха. Бывало, въ Рѣшетилловкѣ на Пасху за иконами ходило столько народу, что всему этому народу и въ просторной крестьянской избѣ не можно было помѣщаться: тутъ были сами священно-церковно-служители,

ихъ жены, сыновья, вдовы церковниковъ да, въ придачу, богоносцы, церковный староста, просвирия, человекъ десятитокъ, а то и побольше, нищихъ. Бывало, кто изъ зажиточныхъ прихожанъ задумаетъ на Пасху кормить духовенство (а такой обычай былъ въ Рѣшетилонкѣ, и мужички-то, кои были побогаче, соблюдали его), заранѣе приуготовляетъ къ этому случаю свинку на закланіе, боченокъ пивца и столько же браги. Однихъ духовныхъ съ женами и чадами, бывало, за два стола не посажаешь, а посему пищи и питія требовалось не мало“.

„Въ двухштатныхъ приходахъ въ старые-то годы завсегда какъ-то немирно жили духовные. Такъ было и въ Рѣшетилонкѣ: ни миру, ни ладу не посылалъ Богъ рѣшетилонскому духовенству. Священники были во враждѣ между собою изъ-за первенства, по нынѣшнему сказать, — изъ-за настоятельства“.

„По стопамъ священниковъ шли и прочіе церковники, и тоже не ладили межъ собою. Особенно много споровъ и сдоровъ бывало межъ ними при раздѣлѣ братскихъ доходовъ“.

„При такой жизни церковниковъ, въ Рѣшетилонкѣ то-и-дѣло были судьбища. Бывало, слѣдователь раза три въ годъ пріѣдетъ въ Рѣшетилонку для слѣдствія надъ церковниками: то по случаю ихъ нетрезвеннаго житія, то по случаю буйственнаго поведенія. Хорошо еще, что въ то время дарами да приношеніями разными можно было умиловить слѣдователей; а то врядъ-ли кто изъ рѣшетилонскаго духовенства удержался бы долго на своемъ мѣстѣ“.

„Родители мои не любили ни брани, ни раздоровъ; а судьбища родитель мой боялся, яко огня геенскаго. Въ своихъ родителей пошелъ и я. Посему, не по душѣ мнѣ была жизнь рѣшетилонскихъ церковниковъ. Подумаль, по-

думалъ я да рѣшилъ по добру-по здорову убираться изъ Рѣшетилówki и искать другого прихода. На счастье мое, и случай подходящий вышелъ мнѣ къ перемѣщенію въ другой приходъ“.

„Однажды на базарѣ (Рѣшетилówka-то—село базарное) встрѣтился мнѣ понамарь села Грибовки Антонъ Власичъ. Немного знакомъ онъ былъ мнѣ, а посему мы поклонами помѣнялись и въ разговоръ другъ съ другомъ вошли. „Какъ поживаешь, Антонъ Власичъ?“ спросилъ я.—„Какое ужъ житье! Одно слово: бѣдствую. Семья у меня большая, доходы скудные, приходъ малый: и пяти сотъ душъ не будетъ. За годъ-то у насъ и десяти свадьбей не наберется“. Какъ началъ Антонъ Власичъ на свой приходъ да на свои доходы жалобы приносить, у меня и явилось помышленіе помѣняться съ симъ понамаремъ приходомъ (духовные частенько тогда дѣлали это). Кстати, въ Грибовкѣ-то я бывалъ и приходъ этотъ зналъ. Хоть сей приходъ былъ малочисленный, да и причтъ-то тамъ полагался небольшой: священникъ, дьячекъ и понамарь. Народъ въ Грибовкѣ былъ не барскій, а вольный (на это духовные, при перемѣщеніи, завсегда вниманіе обращали, потому что въ барскихъ селахъ народъ былъ бѣднѣе); мѣсто тамъ было привольное: я зналъ, что и луговъ, и лѣсу у грибовскихъ крестьянъ было довольно. Задумавши мѣняться приходомъ, я позвалъ Антона Власича къ себѣ.—„Ну, а какъ у васъ насчетъ доходовъ?“ спросилъ меня грибовскій понамарь. Коли задумано было мѣняться приходомъ, надо было хвалить Рѣшетилówку. „Насчетъ доходовъ, говорю, нечего Бога гнѣвить: и браковъ, и крестинъ, и всякихъ требъ у насъ довольно. Вѣдь, у насъ приходъ-то не съ вашъ: больше двухъ тысячъ душъ будетъ“.—„Каковъ у васъ денежный доходъ?“—„Хорошъ, говорю: недавно еще я служу въ своемъ

приходѣ (я въ Рѣшетилонкѣ прожилъ еще только полтора года), а ужъ деньженоѣ скопилъ (тутъ я, грѣшный чело-вѣкъ, прихвастнулъ: всего-то скоплено у меня было не больше пяти рублей). Теперь подумываю строиться да скотинкой обзаводиться“.—„Ну, а каковъ у васъ хлѣбный сборъ? Похвалился я и хлѣбнымъ сборомъ.—„А какъ у васъ насчетъ псалтиря?—„И псалтирь, молъ, выручаетъ насъ“.—„Счастливецъ ты, что такимъ приходомъ завладалъ! А мнѣ Богъ не посылаетъ счастья: просилъ владыку о пере-мѣщеніи въ другой приходъ, который бы былъ побольше и подходнѣй, да владыка не явилъ мнѣ своей милости... Пожилъ бы хоть лѣтъ пятокъ въ такомъ-то приходѣ, какъ твой!“—„Приходъ-то, говорю, первостатейный, въ жисть бы не разстался съ нимъ, да одно неладно: церковники все у насъ ссорятся да судятся межъ собой, а мнѣ это не въ обычай“.—„А я бы на это не поглядѣлъ“, сказалъ Антонъ Власичъ. „Ну, а я другой, говорю, характеръ имѣю: не люблю дразгъ да неладовъ-то. Дабы удалиться отъ зла, я и въ другой приходъ не прочь бы уйдти. Помѣнялся бы я и съ тобой, да ужъ больно обидно изъ большаго-то при-хода въ малый, да на скудный доходъ идти; ништо, го-ворю, придачи дашь“.—„Да чего дать-то? Подумаль, по-думаль Антонъ Власичъ и сказалъ: „пожалуй, мы съ тобой сдѣлаемся вотъ какъ: твоя изба-то не въ примѣръ хуже моей и на дворѣ-то нѣтъ у тебя никакого строенія, а у меня есть и амбарчикъ, и погребница. Уступай ты мнѣ свой приходъ и свою избу, а я тебѣ свой приходъ и свою избу со всѣмъ строеніемъ, которое у меня на дворѣ есть. Твой приходъ лучше моего, а у меня изба справнѣе твоей—вотъ у насъ бой-то и ровный будетъ“. На томъ мы и сошлись, и ударили по рукамъ. Черезъ недѣлю мы оба явились къ владыкѣ съ прошеніемъ о перемѣщеніи. Круто

обошелся съ нами владыка Ириней и крѣпко побранилъ насъ за шатанье изъ одного прихода въ другой. Мы полагали, что наше прошеніе останется втуне, а глядь—вышла милостивая резолюція: „перемѣстить рѣшетиловскаго понамаря въ Грибовку, а грибовскаго—въ Рѣшетиловку, по ихъ взаимному соглашенію“. Такъ я и распростился съ своимъ первымъ приходомъ“. **М. Сацердотовъ.**

(Окончаніе будетъ).

Епархіальная хроника.

— 12-го декабря, въ четвергъ, Его Преосвященство совершаль литургію въ крестовой церкви, при чемъ діаконъ Іоаннъ Перуновъ рукоположенъ во священника въ село Торопово, наровчатскаго уѣзда.

— 15-го декабря, въ недѣлю свв. Праотецъ, Владыка служилъ литургію въ той же крестовой церкви. Діаконъ Василій Ягодинъ посвященъ во священника въ село Ильмино, городищенскаго уѣзда; псаломщикъ села Силищъ, краснослободскаго уѣзда, Иванъ Атраментовъ рукоположенъ во діакона въ село Паньжу, наровчатскаго уѣзда.

— 17-го декабря, во вторникъ, въ каедральномъ соборѣ оо. депутатами епархіальнаго съѣзда совершена была панихида по покойномъ каедральномъ протоіерей Стефанѣ Васильевичѣ Масловскомъ. Предъ панихидою одинъ изъ оо. депутатовъ, свящ. П. Мироносицкій сказалъ краткую, но прочувствованную рѣчь о заслугахъ и качествахъ почившаго. Въ память долголѣтнаго и многопамятнаго служенія С. В—ча на епархіальномъ и учебномъ поприщахъ, съѣздъ постановилъ учредить стипендію его имени въ Пензенской духовной семинаріи, въ которой покойный 12 лѣтъ былъ ректоромъ.

— 22-го декабря, въ недѣлю предъ Рождествомъ Христовымъ, Преосвященный Митрофанъ совершалъ литургію въ крестовой церкви.

— 24-го декабря, въ навечеріе праздника Рождества Христова Его Преосвященство совершалъ въ крестовой церкви литургію (въ соединеніи съ вечернею) Василия Великаго, — на которой учитель Тихоновскаго духовнаго училища Ѳеодоръ Пучковскій рукоположенъ во діакона. Послѣ литургіи, по пропѣтіи праздничнаго тропаря и кондака, на срединѣ храма возглашено было протодіакономъ особое, положенное въ навечеріе праздника, многолѣтіе.

Происхожденіе этого обычая объясняется тѣмъ, что въ Константинопольской Церкви возглашалось многолѣтіе императору каждый разъ, какъ только онъ входилъ въ храмъ, а въ навечеріе Рождества Христова и Богоявленія императоръ обыкновенно присутствовалъ не только при литургіи (какъ въ другіе дни), но и на часахъ, которые отсюда получили названіе „царскихъ“. Посему уставомъ и положено въ концѣ этихъ часовъ возглашать многолѣтіе государю съ полнымъ царскимъ титуломъ, — что впрочемъ, можетъ быть совершаемо не на часахъ только, но и по отпустѣ литургіи. Въ древней Русской Церкви это многолѣтіе, которое „кликалъ“ (отсюда самое многолѣтіе называлось „выкликкою“) протодіаконъ, сопровождалось взаимными привѣтствіями между государемъ, патріархомъ и боярами. Это было какъ бы взаимное поздравленіе съ наступающимъ праздникомъ. По дошедшимъ до насъ описаніямъ, церемоніаль этотъ въ 1668 году предписано было совершить такъ: „протодіаконъ, поклоняся патріарху, начнетъ читать многолѣтіе; а какъ окличетъ царицы титулы, патріархъ къ царю подойдетъ и власти, и говоритъ титуло и многолѣтствуютъ государю; и паки патріархъ пойдетъ къ царскимъ дверемъ, и протодіаконъ патріарху кличетъ титуло; а какъ прокличетъ, и царь подходитъ къ патріарху, и

здравствуетъ ему, потомъ патріарху здравствуютъ, и бояры подходятъ, и принявъ царь благословеніе, входятъ въ домъ свой, и протопопы соборами къ царю ходятъ славить". (Древн. Россійск. Вивліое. изд. 2, 1789 г. Т. X. Уст. Моск. Патр., соблюд. въ Моск. Усп. соб., стр. 131—132).

— Въ торжественнѣйшій праздникъ Рождества Христова Владыка совершалъ всенощное бдѣніе въ крестовой церкви, а литургію въ каѳедральномъ соборѣ. Діаконъ Ѳеодоръ Пучковскій рукоположенъ во священника на вакансію при самомъ соборѣ. Приличное празднику слово произнесено было протоіереемъ Николаевской церкви Г. С. Соколовымъ. Послѣ литургіи, при участіи всего городского духовенства, совершено было по особому чинопослѣдованію благодарственное Господу Богу молебствіе, по случаю избавленія Церкви и Державы Россійскія отъ нашествія галловъ и съ ними двадцати языковъ—въ 1812 году. Изъ собора духовныя и свѣтскія лица, во главѣ съ г. начальникомъ губерніи, направились въ покои Его Преосвященства. Здѣсь, по прибытіи Архипастыря, въ предстояніи каѳедрального протоіерея, пропѣто было „славленіе“ Рождшагося Спасителя,—послѣ чего Владыка поздравилъ всѣхъ съ праздникомъ, вызаривъ при семъ молитвенное пожеланіе, да умилосердится надъ нами Господь Іисусъ Христосъ, воплотившійся отъ Дѣвы Маріи насъ ради человекъ и нашего ради спасенія, и да избавитъ насъ отъ всякихъ скорбей и бѣдствій. Преподавъ затѣмъ благословеніе своимъ гостямъ, радушный хозяинъ, по христіанскому русскому обычаю, предложилъ и раздѣлилъ съ ними праздничную трапезу.

— 26-го декабря, въ праздникъ „Собора Пресвятыя Богородицы“, Архипастырь совершалъ литургію въ крестовой церкви. Касательно происхожденія этого праздника надобно замѣтить, что православная Церковь вообще постановила вторые дни послѣ важнѣйшихъ праздниковъ посвящать прославленію св. лицъ, имѣвшихъ болѣе или менѣе близкое

участіе въ событіи праздника. Такъ за праздникомъ Крещенія Господня прославляется (7-го января) Іоаннъ Креститель, за Срѣтеніемъ—Богопріимецъ Сүмеонъ и пророчица Анна (3-го февраля), за Благовѣщеніемъ—Архангелъ Гавріиль (26 марта). Сообразно съ этимъ установленіемъ, на второй день Рождества Христова Церковь совершаетъ особое празднованіе въ честь Пресвятой Дѣвы, отъ Которой благоволить воплотиться Избавитель міра. Праздникъ названъ „соборомъ“; потому что въ этотъ день полагается торжественное собраніе для прославленія Богоматери, т.-е. полагается совершать богослуженіе соборомъ священнослужителей *). Кромѣ положительной цѣли—прославленія Божіей Матери, особенная служба въ честь Ея 26 декабря, имѣла и цѣль отрицательную—обличеніе и искорененіе одного суевѣрнаго обычая. На востокъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на другой день Рождества Христова былъ обычай готовить особеннаго рода печеніе и пересылать другъ другу, въ честь Богородицы, именно въ память предполагаемыхъ болѣзней Ея рожденія. Это суевѣріе, при полномъ раскрытіи заключающейся въ немъ мысли, могло подрывать самыя основныя истины Вѣры, могло повести къ ереси, подобной извѣстному лжеученію Несторія. Поэтому VI-й всел. (Трульскій) соборъ особымъ правиломъ (79-мъ) запретилъ этотъ обычай. Противъ него, между прочимъ, на-

*) Богослуженіе, совершаемое торжественно, нѣсколькими священнослужителями, каково въ особенности всенощное бдѣніе, въ Церк. Уставѣ не разъ называется „соборомъ“; наприм. 9 сентября о преп. Іосифѣ говорится: „совершается соборъ въ обители его и въ храмѣ его“; 25-го сентября—о преп. Сергіи: „совершается соборъ его во обители и во храмѣхъ его, въ прочихъ же полчелѣхъ“. То же говорится 3-го мая о преп. Θεодосіи, 15-го іюня о св. Іонѣ—митрополитѣ. По той же причинѣ, т.-е. какъ совершаемое нѣсколькими пресвитерами, называется „соборованіемъ“ таинство елеосвященія.

правлено и богослужение 26-го декабря, прославляющее безсѣмное, а потому безболѣзненное рождение Богочеловѣка отъ Пренепорочной Дѣвы Маріи.

— 29-го декабря, въ недѣлю по Рождествѣ Христовѣ, Владыка совершалъ литургію въ крестовой церкви.

— 30-го декабря, въ понедѣльникъ, въ 40-й день по кончинѣ каѳедрального протоіерея С. В. Масловскаго, въ каѳедральномъ соборѣ совершены были двѣ панихиды: первая—соборнымъ духовенствомъ послѣ литургіи, вторая послѣ вечерни о. ректоромъ семинаріи, прот. М. К. Знаменскимъ, въ присутствіи преподавателей и учениковъ, оставшихся въ Пензѣ на зимніе каникулы.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

Напечатано:

Должно читать:

Стран.	Стр. снизу		
11	4	селение Самарской	село Астраханской
23	11	назначилъ	назначаль
—	6	выры	вѣры
24	7	родильницы	родильницѣ
	сверху		
28	6	прахомъ	прахомъ:
	снизу		
32	14	Силищъ	Селищъ
—	5	многопамятнаго	многоплоднаго

ОГЛАВЛЕНІЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ.

1. Новый годъ въ древней Руси.—2. Собесѣдованіе съ молоканами въ селѣ Ромодановѣ, Саранскаго уѣзда, епархіальнаго миссіонера Александра Орлова.—
3. Изъ разсказовъ духовнаго ветерана (продолженіе), М. Сацердотова.—
4. Епархіальная хроника.

Редакторы: (А. Поповъ.
(Н. Смирновъ.

Дозв. ценз. Пенза, 1 января 1892 г. Цензоръ, ректоръ сем. прот. М. Знаменскій.

Печатано въ Пензенской Губернской Типографіи.